

УДК 130.2

Н. В. Голик

Санкт-Петербургский государственный университет

И. А. Извеков

Научно-исследовательский Фонд Aliter

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ ПРОСВЕЩЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Поиск путей преодоления современного методологического кризиса гуманитарного знания – одна из самых насущных и актуальных исследовательских задач. Ее решение, с одной стороны, должно обеспечить прорыв гуманитаристики к новым отчетливо видимым, но пока еще не освоенным рубежам. С другой, рассматриваемый кризис настолько всесторонен, что, кажется, нет решительно никакой возможности его преодоления. Путь выхода к посткризисному этапу обнаруживается классическим способом: с постановки ясного диагноза. Уяснение его позволяет обрести опору для методологического прорыва парадоксально, в самом болезненном «нерве» кризиса. Обретенная личностью XX в. духовная свобода – понятие, хотя и попавшее в учебники, но все еще не вошедшее в категориально-понятийный аппарат современной методологии. Детальный анализ показывает, что именно эта категория, конкретизированная рядом дефиниций, способна изменить наши представления о вариантах преодоления методологического кризиса. В этом контексте совершенно меняются взгляды и на эпоху Просвещения, чей методологический потенциал далеко не исчерпан. Более того, совершенно очевидно, что человечество оказалось перед необходимостью и неизбежностью его нового витка.

**Личность, духовная свобода, экзистенциальный переворот, сознание,
динамическая система смыслов, взросление человечества, Просвещение**

Всего за несколько десятилетий мы «списали» эпоху Просвещения в исторически застывшее прошлое, в нечто уже давно отыгравшее свои задачи. Более того, по умолчанию бытует точка зрения, согласно которой и философски, и историографически наследие Просвещения исчерпывающе исследовано, от чего новое обращение к нему утратило актуальность. Это колоссальное заблуждение мешает признать очевидность трех фактов. Во-первых, если что-то и исчерпано, то лишь фактологическое наследие Просвещения, но вовсе не его методологический потенциал. Во-вторых, бессознательная сосредоточенность на заблуждении мешает распознать в качестве промежуточного итога Просвещения изменение структуры личности, что в свою очередь обуславливает методологический кризис гуманитарного знания как такового. В-третьих, соответственно, мы не видим и реального пути его преодоления.

Кант определил Просвещение как выход человека из состояния несовершеннолетия. Единственная причина, по которой это может не произойти – решение самого человека. [1, с. 84]. В этой более чем своевременной констатации кроется указание на роль самосознания личности: сделать решающий шаг к совершеннолетию человек может лишь благодаря самому себе. Но здесь же содержится и весьма существенное дополнение: выход из состояния несовершеннолетия – это нравственная обязанность. Девиз Просвещения – это еще наказ и самому себе, и другим: «отказываться от просвещения для себя и тем более для будущих поколений означает нарушить и попортить священные права человечества». [1, с. 87].

Просвещение действительно предстает как этап взросления человечества. Более того, как кажется, это фундаментальное положение вполне нами пережито и усвоено, а великая

эпоха завершилась Всеобщей декларацией прав человека. Но сколько бы мы не устраивали «поминок по Просвещению» [2], нечто системообразующее из той эпохи остается непознанным до сих пор. Сколь парадоксально не прозвучало бы – это проблема самого Просвещения, что констатировал М. Фуко. Именно он задал столь актуальный и сейчас вопрос: «Что за событие мы называем Просвещением, по крайней мере в какой-то части предопределившее то, что мы сегодня думаем и делаем?» [3, с. 101].

В наши дни это затертое бесконечной рутиной научной повседневности вопрошание можно несколько переиначить: что есть инспирированное Просвещением «совершеннолетие» человека? «Ответ Просвещения» предполагает вроде бы только одно – это превращение человека в морально автономного, ответственного за свое самосознание субъекта. Однако именно этот ответ и следует признать устаревшим, ибо он не учитывает того факта, что современный человек не только морально автономен, но и духовно свободен. Этот тезис требует пояснений.

Установка Просвещения на самодостаточность Разума до сих пор не доведена до логико-исторического завершения. Нерешенность проблемы Просвещения – это в современном понимании нерешенность вопроса о происхождении и сущности сознания. Научному знанию до сих пор в точности не известны ни способ упорядочивания сознанием эмпирических данных о бытии, ни мера объективности качественно-количественных характеристик мира, содержащихся в нем.

Говоря о сознании, мы апеллируем лишь к неким моделям, чем лишь приблизительно интерпретируем гипотетически представимые структуры сознания и формы его функционирования. В рамках одной из моделей вполне устоялась трактовка сознания в виде трехчастной структуры – рассудка, разума и самосознания. В данном контексте рассудок предстает первичной инстанцией мышления, отражающей мир в понятиях и категориях. Его критерий состоит в корректности категориально-понятийного аппарата по отношению к осмысливаемой реальности. Разум – это самосознающий рассудок, «учреждающий» правила взаимосвязи категорий и понятий (в широком смысле логику). Следовательно, его критерием должна являться адекватность сконструированной посредством «логической» взаимосвязи понятий и категорий «картина мира». Наконец, самосознание – есть «область» предметных значений и в более широком плане смыслов суждений разума. Эта «сфера» в первую очередь возможна благодаря способности сознания сделать своим предметом самое себя. Критерий самосознания – в установлении соответствия предметного значения суждений разума и их смысла.

Речь идет не просто о некоем мысленном содержании суждения, а именно о смысле так, как его понимал Л. Выготский: «переживание повышенной субъективной значимости предмета или явления» [4, с. 96]. В силу того, что смыслы производятся человеком и являются смыслами для него самого, они образуют систему, принцип которой предполагает обязательное наличие в ней еще и смысла осознающего себя Я. Следовательно, речь идет о системе смыслов в определении Выготского динамической – «себя-в-мире» и «мира-для-себя». Все вместе взятое указывает на высшую форму репрезентации сознания – самосознание.

В динамической системе смыслов могут быть обнаружены ее неотъемлемые признаки, которые плохо поддаются объяснению, она образует особый, автономный и от природы, и от социума тип реальности. Личностный смысл может вступить в противоречие не только с предписаниями социальных норм, но и с инстинктом самосохранения, приводя к гибели субстрат сознания – мозг. Вместе с тем происхождение некоторых доминант самосознания невозможно проследить в мире, который мы познаем эмпирически. Равно как некоторые механизмы принятия человеком моделей действия, согласующиеся со смысло-

выми установками, невозможно объяснить правилами разума. Например, В. Франкл полагает, что совесть дологична и внерациональна [5].

Принципиальным обстоятельством является тот факт, что исторически система смыслов далеко не всегда была динамической. Таковой ее сделало именно Просвещение. К сожалению, ни оно само, ни позже суть изменений до конца так и осталась невыявленной. Просвещение вывело человека на беспрецедентный уровень вопрошания о смысле фиксируемых Разумом явлений. Но чем дальше, тем в большей степени такое вопрошание становится безответным. Современный экзистенциально-смысловой контекст личности задается ситуацией неопределенности, отраженной в огромном спектре чрезмерных вопросов. «Чрезмерных» в том отношении, что они принципиально не имеют ответа. Их спектр огромен – от вопроса об истинном происхождении Вселенной и «темной» материи, до проблем функционирования мозга и происхождения высших форм психики человека.

В подобных вопросах нет и не может быть однозначно универсальных суждений. Любые претензии на универсальность лишены легитимности. Однако парадокс состоит в том, что в любом суждении относительно ответов на «чрезмерные» вопросы с неисчислимой вероятностью может содержаться доля истины. Это крайне неопределенное состояние знания имеет одно весьма существенное следствие: любой человек обладает правом на свободное суждение в «чрезмерных» вопросах. Причем это право само по себе совершенно легитимно. При этом его «узаконение» произошло «по умолчанию», оно никем не кодифицировано, а между тем именно оно составляет фактический фундамент явления, более, чем полстолетия назад определенного Э. Фроммом как «духовная свобода».

Вместе с тем современная личность оказывается в позиции, принципиально отличной не только от эпохи Модерна в целом, но и Просвещения в частности. «Чрезмерное» вопрошание личности о смысле трансформируется в простой человеческий вопрос – «а зачем?». И принципиальное обстоятельство нашего исторического момента состоит в том, что сознание не находит несомненный, определенный денотат, к которому такое вопрошание адресовано.

В данном случае денотат – не просто объект, обозначенный в языке именем и воспринимающийся человеком как неотъемлемая часть реальности. Это еще и неоспоримая «точка опоры», дающая самосознанию возможность для дедукции смысловой картины мира, неоспоримая в том отношении, что она полагается не только исходной, начальной, но данной в самосознании как нечто, неподвергаемое им сомнению. Эталонный пример – аристотелевская концепция Перводвигателя, являющегося не просто остающимся в покое источником всеобщего движения, но и причиной всех причин, источником всех цепей причинения, сам при этом не нуждающийся ни в какой причине.

Именно Просвещение приводит к тому, что личность в своем вопрошании о смысле имеет дело с принципиально не устанавливаемыми денотатами. Их бытие и сущность непроницаемы для познания. Астрофизика, некоторые виды теологии, разные формы метафизики могут иметь в виду один и тот же денотат, например, причину происхождения мира, но ни его суть, ни даже истинный смысл высказываний о нем никому неизвестны.

Наследие Просвещения – не книги, забытые на старых полках библиотек. Напротив, это реально осуществляющиеся процессы саморазвертывания человеческой сути. Изначальный импульс Просвещения в наши дни детерминирует уникальную диспозицию сознания, в которой предмет порожденных им «чрезмерных» вопросов не денотат, а десигнат – идеальный объект, обозначаваемый так же, как и денотат, именем. Он так же отмечает

предельную «точку опоры» для построения самосознанием экзистенциально-смысловой сферы. Данная «точка» также служит самосознанию чем-то исходным, отправным, но уже не бесспорным. Имя, обозначающее «исток смысла», указывает на нечто условное, только лишь гипотетически представимое. Поэтому самосознание находится в перманентном состоянии незавершенности гипотезы «исходного пункта» смысловой картины мира.

Слова и словосочетания «Бог», «Абсолют», «причина возникновения мира» чаще всего остаются всего лишь словами, не указывающими на что-то конкретное, отчетливо видимое, ясно фиксируемое мыслью. Это как задать вопрос о Перводвигателе и понять, что ответ никому не известен, и все, что произносится на его счет, остается только непроверяемым предположением. Истинность десигната объективно остается доподлинно неустанавливаемой. Его достоверность для человека теперь остается предметом доверия самому себе. Существует ли явление, скрываемое именем десигната, как объективная часть реальности, или оно бытийствует только лишь в форме мысли? Это проблема, разрешаемая только посредством создания личностной, глубоко субъективной гипотезы. Ни одно научное положение, ни одна демократическая норма, ни одна религиозная догма не в состоянии изменить данное положение.

Если самосознание фиксирует истоки происхождения смысла человеческого как денотаты, предметные значения которых кажутся человеку ясными и неоспоримыми, то их имена «выносятся» за знак функциональной операции в качестве постоянного коэффициента. Это позволяет фиксировать дедуцированную самосознанием смысловую картину мира и обеспечивает не только ее устойчивость, но и статичность.

Предетерминанты бытия, трактуемые личностью посредством десигнатов, никогда не могут стать для самосознания чем-то вроде фиксатора происходящих в нем процессов. Принципиальная неопределяемость окончательной формы исходного десигната экзистенциального смысла предполагает возможность построения только его субъективной гипотезы, но не реконструкции реальности. *В этих условиях единственным объективно истинным денотатом в вопросах смысла становится только сам по себе факт произвольности самосознания в разработке гипотез происхождения смысла бытия. И тогда духовная свобода в целом – это переход от фиксированного к произвольному основанию дедукции системы смыслов.*

Данное обстоятельство напрямую связано не просто с трансцендентальными основами самосознания, но и с их исторической динамикой. Отказ от «постоянного коэффициента» – признак фундаментальных видоизменений структуры личности, перехода к еще более «взрослому» положению в мире, чем это было в случае с морально автономным субъектом, ибо здесь исчезает не только денотат смысла, но даже и сама нравственная обязанность его обнаружить, о которой косвенно говорил Кант.

Утрата естественнонаучными и гуманитарными видами знания правомерности на окончательные высказывания в «чрезмерных» вопросах – естественное следствие исторической динамики структуры личности. В свою очередь сама по себе динамика была инспирирована развитием науки и, следовательно, Просвещением. Это противоречие – главный симптом современного методологического кризиса гуманитарного знания, состоящего в невозможности с позиций Просвещения дать научную интерпретацию целому ряду явлений, порожденных в том числе и Просвещением. И оно же главный вызов знанию.

Прообраз современной ситуации возник немногим более столетия прежде. Баденская школа неокантианства – одна из непосредственных «наследниц» Просвещения – нашла решение проблемы исследования гуманитарной сферы при помощи разделения номотетиче-

ских и идеографических наук. Формулировка данного принципа обернулась своего рода методологическим прорывом. Он вполне соответствовал промежуточному итогу Просвещения – социальным институтам, которые создавались морально автономными субъектами. Однако с тех пор очень многое изменилось. И ныне открытий Г. Риккерта [6] и В. Виндельбанда [7] уже недостаточно, чтобы исследовать общество, возводимое личностью духовной свободы.

Отсутствие методологических оснований для решения новейшей проблемы спровоцировало многочисленные попытки неопозитивистского толка. Стоит ли удивляться, что кризис позитивизма XIX в., казалось навсегда преодоленный неокантианством, напомнил о себе. Еще совсем недавно методологию гуманитарной сферы предполагали «усилить» «синергетическими», «энтропийными» или тому подобными «естественно-научными» составляющими. Уместно напомнить призывы видного представителя Петербургской школы философии культуры М. С. Кагана [8, с. 9]. Он, как и многие другие, рекомендовал обратиться к «физике», разумеется, в самом широком смысле этого слова.

Однако существующие естественно-научные парадигмы не в состоянии обеспечить решения наиболее актуальных исследовательских задач гуманитаристики. Причем проблема состоит не только в абсолютно очевидной непереложимости естественно-научных методологий на гуманитарную сферу. Проблема еще и в том, что «нотетическое» знание вышло к своим собственным исследовательским пределам. Изучение темной материи и темной энергии, например, до сих пор крайне затруднено. При всей полезности научных параллелей и аналогий, обратиться в этом вопросе нужно не к физике, а метафизике. Речь, конечно, о «метафизике человека».

Новый виток в развитии гуманитаристики так же может оттолкнуться от формулировок Просвещения. Современная теория сознания неизбежно упирается в проблему правомерности вопроса о трансцендентальных структурах сознания в целом и самосознания в частности. Иными словами, функция самосознания, значение работы которой состоит в образовании динамической системы смыслов, по сути трансцендентальна, так как ее невозможно редуцировать ни к физиологическим, ни к гносеологическим процессам. Однако человека как личность в значительной степени конституирует именно сознание. Следовательно, личность – это и трансцендентально, и социально обусловленное качество человека. При этом неизбежное следствие обретения духовной свободы состоит в том, что достоверность смысла человеческого бытия может быть установлена только личностью самостоятельно, а не благодаря кому-то или чему-то еще.

Это крайне неудобный факт, но только через его признание лежит путь к преодолению современного кризиса в гуманитарной методологии. Разворот исследовательской мысли к трансцендентальным основам сознания – новейший фундамент для принципиально иного шага в гуманитарных исследовательских практиках.

Такая постановка проблемы выводит психологию к масштабному реформатированию ее важнейших положений о человеке. Совпадает ли реальная работа трансцендентальной функции с ее априорным значением, зависит от человека. Перипетии жизненного опыта могут привести к «перенастройке» функции, заставить ее продуцировать не собственные ей следствия. В условиях духовной свободы направленность работы функции ничем не фиксирована, и нравственно-смысловое содержание может быть приписано средствам существования. Тогда трансцендентальное значение работы и реально выполняемая работа не идентичны, что является маркером кризиса личности.

Так как ни один из видов знания не регламентирует состояние духовной свободы, потребность в комфорте как эквиваленте экзистенциального смысла создает уязвимую для

внешнего воздействия внутриличностную «точку». Это обстоятельство многократно усложняется, с одной стороны, нелегитимностью суждений политических институций относительно нравственных целей, а с другой – их же «склонностью» провозглашать в качестве общего экзистенциального смысла решение прагматических задач. В таких условиях подмена смысла может превратиться из проблемы личности в социальную проблему.

Мы стали свидетелями не просто изменений, происшедших с человеком, но и тектонических сдвигов в политико-правовом пласте, просуществовавшем и развивавшемся на протяжении практически всей эпохи нового времени. Политические системы любых обществ, полагающих себя демократическими, часто по умолчанию полагают и то, что их выборность есть легитимное основание трактовать свободы во всех смыслах этого слова, но это не так, ибо истинность высказываний о десигнатах смысла человеческого не обретает легитимность только лишь в факте демократичности выборов авторов этих высказываний. Однако данное обстоятельство все еще не стало предметом юриспруденции или политологии.

В наиболее уязвимом положении оказалась педагогика воспитания. Состояние духовной свободы, а не просто морально автономного индивида, автоматически предполагает право личности на формирование любого, пусть даже негативного или даже деструктивного смысла нахождения в бытии. Но выработанная Просвещением идея долженствования «правильно» распорядиться своей свободой все еще не изжита, что абсолютно не согласуется с требованием самой духовной свободы, ибо ныне нет и не может быть ни одного бесспорного варианта распоряжения ею. Поэтому все педагогические попытки «воспитать» личность так, чтобы указать ей при этом верные ориентиры свободы, строимые из идеи обязательств это сделать, будут неизбежно самопротиворечивы, что давно отметили еще представители Франкфуртской школы [9], [10].

Теоретическое признание не только моральной автономии индивида, но духовной свободы личности ведет к неизбежной трансформации структур философии в целом: гносеологии, онтологии, этики... Философское самоосмысление причин возникновения человека не просто нового времени, а именно новейшего, поиск сути эпохи, в которую вступило человечество – субстанциональные задачи, затрагивающие самые глубинные пласты гуманитарного знания.

Западная цивилизация исчерпала проект Просвещения лишь отчасти, воплотив лишь одну из его тенденций – ориентацию на рассудок. Когда Просвещение обвиняют в том, что апелляция к Разуму как последней инстанции потерпела крах, то имеют в виду не Разум, а рассудок. Напомним: в немецкой классике рассудок противопоставлен Разуму как более высокой «способности души». Рассудок способен познавать лишь земное, т. е. относительное и конечное, Разум же способен и должен раскрывать сущность небесного, т. е. абсолютного, бесконечного, божественного. Иначе говоря, рассудок ориентирован на опыт, прагматику, пользу, Разум же открывает в человеке и человечестве иное измерение, отличное от прагматической ориентации на культ денег, прибыль и приспособление к обстоятельствам. Собственно, именно Разум – та инстанция, которая творит из Homo Sapiens, высшее создание природы – человека и определяет его вторую, подлинную, духовную природу. Власть рассудка обрекает на «близорукость», закрывающую видение стратегической цели и возможных метаморфоз претворения идеи в реальность.

Просвещение уже привело к изменению структуры личности, исчерпав этим свою прежнюю миссию. Однако повзрослевшему человеку теперь нужен его новый виток, с новой целью и новым способом ее реализации. Цель вполне может быть сформулирована: постижение сути и последствий процесса исторической динамики структуры личности. Что касается средства,

то его еще только предстоит создать. Однако сейчас совершенно очевидно, что личности духовной свободы следует как можно скорее освоиться в «сверхновом» положении, определиться с правилами принятия ответственности за свое повествование о смысле бытия. Точно так же научное сообщество, если оно действительно таково, несет моральную ответственность за просвещение субъекта духовной свободы в том, что уже известно на этот счет. Только признание этой обязанности приведет к возникновению методологии, способной обеспечить решение задач принципиально нового горизонта великой и далеко не завершенной эпохи Просвещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Сочинения: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 25–35.
2. Грей Д. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. М.: АСТ: Ермак, 2004; Праксис, 2003.
3. Фуко М. Интеллектуал и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. С. Ч. Офертаса; под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002.
4. Выготский Л. Психология развития человека. М.: Эксмо-Пресс: Смысл, 2003.
5. Франкл В. Десять тезисов о личности // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2005. № 2. С. 4–13.
6. Риккерт Г. Науки о природе и науки о духе // Культурология. XX век: антология. М.: Юрист, 1995. С. 69–104.
7. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. Т. 2.
8. Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию проф. М. С. Кагана // Материалы междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Сер. «Symposium». Вып. № 12. СПб.: Санкт-Петербургское филос. общество, 2001.
9. Адорно Т. Проблемы философии морали / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М.: Республика, 2000.
10. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994.

N. N. Golik
Saint Petersburg State University

A. I. Izvekov
Research Foundation Aliter

INCOMPLETE PROJECT of the ENLIGHTENMENT: METHODOLOGICAL ASPECT

A search for ways to overcome modern methodological crisis of humanitarian knowledge is one of the most urgent and pressing research challenges. Its solution, on one hand, must ensure the breakthrough of humanitaristics towards new clearly visible but still not yet developed boundaries. On the other hand, the crisis in question is so extensive that it seems there is no possibility to overcome it. The way out of the crisis to the post-crisis stage is found in a traditional way: by making a clear diagnosis. Clarification of it paradoxically allows us to find support for a methodological breakthrough in the very painful "nerve" of the crisis. Spiritual freedom of personality acquired in XX century is a notion included in textbooks but not yet incorporated into the framework of categories and concepts of modern methodology. Detailed analysis shows that this category specifically, concretized by a series of definitions, can change our perspective on the ways of overcoming the methodological crisis. In this context, the view on the Enlightenment, which methodological potential is far from being exhausted, changes significantly. Moreover, it is absolutely clear that humanity is facing the necessity and imminence of its new turn.

Personality, spiritual freedom, existential upheaval, consciousness, dynamic system of meanings, maturing of humanity, the Enlightenment
